

DOI: 10.15372/HSS20200107
УДК 94(47)06+344.3

А.В. ДМИТРИЕВ

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ РОССИИ XVIII в. С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новосибирский государственный университет
РФ., 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена рассмотрению нескольких судебно-следственных дел в отношении военнослужащих русской регулярной армии XVIII в. по обвинениям в преступлениях против норм семейной жизни. В сфере юрисдикции военных судов находились не только сами военнослужащие, но и члены их семей. При этом виновными, согласно действующему законодательству, признавались не только лица, совершившие преступления, но и пострадавшие от их действий члены семьи. Такие приговоры доказывают, что в повседневной жизни России XVIII в. еще продолжали использоваться правовые нормы, унаследованные от предшествующего периода. Солдаты регулярной армии, являвшейся инструментом осуществления модернизационных процессов в Российской империи, оставались носителями традиционных представлений, санкционированных действующим в рассматриваемый период законодательством.

Ключевые слова: русская армия, XVIII в., повседневность, военнослужащие, семейная жизнь, военные суды.

A.V. DMITRIEV

CRIMES IN THE FAMILY LIFE OF MILITARY PERSONNEL OF THE 18th CENTURY RUSSIAN ARMY FROM THE PERSPECTIVE OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Novosibirsk State University
1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to studying the representations and legal rules that were the base of the family life of Russian empire's regular army servicemen in the 18th century. The sphere of family life is one of the most important types of social practices, which are necessary to research the problems of everyday life's history. Due to limited source base for this period the author considered it possible to bring for consideration materials from judicial investigative cases of soldiers' crimes in relation to their family members. These cases stored in the Russian State Military History Archive (RGVIA) allow presenting views that guided the servicemen relationships with their wives, and how the crimes, committed by soldiers, were assessed from the current legislation's point of view. The study of these archive materials led the author to the following conclusions. First, the military courts in Russia during the 18th century used the church law norms valid in previous periods in addition to the special legislation (Military Article) to verdict the family life's crime cases. Second, not only the criminals themselves were convicted, but their victims, who turned out to be soldiers' wives in the cases under consideration. Third, the guilty bore reduced sentences in comparison with the prescribed ones by laws for their committed crimes. These cases show that the rights of servicemen family members in Russia in the 18th century were poorly protected by legislative norms. Besides, we can see that even military servicemen kept traditional views about the style of family life supported and authorized at the legislative level by imperial state powers, although the regular army was used as the main tools for the transition to modern society in the country

Key words: Russian army, 18th century, everyday life, servicemen, family life, military courts.

ВВЕДЕНИЕ

Обращением к истории повседневности, изучаемой на материалах самых различных периодов рос-

сийской истории, сегодня вряд ли можно удивить отечественных исследователей. По меткому выражению В. В. Керов, сейчас мы имеем просто «вал работ

Андрей Владимирович Дмитриев – д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: khaldeus@academ.org. <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>

Andrey V. Dmitriev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University.

по «истории повседневности», «повседневной истории» [1, с. 52]. Однако во многих случаях приходится сталкиваться с таким эффектом, как, например, «усиление внимания к бытоописательной составляющей истории повседневности в ущерб анализу социально-психологических компонентов» [2, с. 35]. Действительно, в ряде публикаций понятия «быт» и «повседневность» фактически отождествляются, что остро ставит вопрос о методологическом соответствии подобных исследований классической модели немецкой *Alltagsgeschichte* как направления, ориентированного в первую очередь на выявление социальных практик на уровне микроисторического анализа. Другой проблемой оказывается ограниченность источниковой базы для такого рода исследований по мере движения от современности в глубь веков. В частности, это касается и изучения истории повседневности на материалах Российской империи XVIII в.

Нельзя сказать, чтобы для данного периода российской истории совсем отсутствовали работы подобного типа. В частности, следует назвать некоторые диссертационные исследования, посвященные повседневной жизни горожан или государственных служащих (см., напр.: [3; 4; 5]), а также превосходную монографию А. Б. Каменского [6]. Однако до сих пор фактически отсутствуют работы, посвященные повседневной жизни военнослужащих регулярной армии Российской империи XVIII столетия. Единственной известной нам попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С. В. Карпушенко [7]. К сожалению, для нее как раз характерна неразграниченность понятий «быт» и «повседневность», поэтому ее содержание являет собой скорее ряд бытовых очерков-зарисовок, да еще и без ссылок на используемые источники. А между тем именно повседневная жизнь чинов регулярной армии империи не только предоставляет богатый материал для изучения социальных практик на индивидуальном уровне, но и позволяет проникнуть в специфику взаимоотношений государства и общества, верховной власти и ее подданных – ведь люди, носившие военные мундиры, не только оставались представителями той социальной среды, из которой происходили, но и становились «агентами влияния», «верными слугами» имперского государства, т. е. теми, кто должен был исполнять не свою, а чью-то чужую волю. Как соотносились в их сознании эти две ипостаси, до какой степени они могли одновременно сохранять в своем сознании собственные социально-культурные стереотипы и воспринимать навязываемые им поведенческие практики?

По нашему мнению, приблизиться к ответам на эти вопросы может позволить изучение некоторых аспектов семейной жизни военнослужащих в России XVIII в. Поэтому в данной статье мы уделим внимание преступлениям, совершавшимся последними в их личной / семейной жизни, мотивам этих преступлений и вынесенным за них наказаниям. В фонде генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной

коллегии (ф. 8) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) сохранился значительный массив судебно-следственной документации по самым разнообразным делам, рассматривавшимся судами военного ведомства на протяжении большей части XVIII в. Определенную долю среди них составляют и судебно-следственные дела по преступлениям, совершенным военнослужащими в отношении членов собственных семей, прежде всего жен. Как показал П. П. Щербинин, именно судьбы женщин, выхаживавших замуж за солдат регулярной армии, наглядно иллюстрируют ситуацию «противостояния административного и человеческого измерения», когда нужды и потребности государства, которому служили их мужья, приводили к конфликтам и даже трагедиям в сфере брачно-семейных отношений [8]. Предвидя возражения относительно того, что в фактах девиантного / криминального поведения вряд ли можно в полной мере усматривать отражение повседневных социальных практик, заметим, что другого рода информацию в сохранившихся источниках встретить практически невозможно – эта ситуация характерна для всего XVIII столетия. Только документы, связанные с обращением отдельных лиц к официальным властям по тем или иным поводам (прежде всего, криминальным), имеют достаточно высокую степень сохранности, позволяя исследователям успешно оперировать ими; источников личного происхождения за данный период, оставшихся от военнослужащих, а тем более от членов их семей, мы почти не находим.

ДЕЛО О ДВОЕЖЕНСТВЕ

Вопрос о семейной жизни солдат регулярной армии, как справедливо указывает П. П. Щербинин, уже с самого начала XVIII в. был одним из «камней преткновения» для имперского государства: «Брачные узы считались священными, и военные, гражданские и церковные власти не решались формально запрещать жене быть при муже» [8]. Однако понятно, что пребывание на службе вместе с супругой оборачивалось комплексом проблем, причем не только для самих солдат и их жен, но и для полкового начальства: «Солдатская жена... не обладала правом самостоятельного выбора профессионального занятия, передвижения, а попадала в зависимость от полкового командира. Такая женщина уже не имела права распоряжаться своей судьбой, как ей заблагорассудится... В середине XVIII в. существовала специальная инструкция для полковников, чтобы они подыскивали работу для солдатских жен в пределах полка» [8]. Это означало, что мужчины, попадавшие в рядовой состав регулярной армии России, фактически лишались возможности что-то изменить в собственной семейной жизни, тем более что в 1764 г. «нижним чинам было запрещено вступать в браки без согласия полковых командиров» [8]. Такая ситуация неизбежно приводила к разнообразным конфликтам с участием супругов, а разрешение этих конфликтов и вынесение наказаний в случае, если

был преступлен закон, переходило в сферу компетенции военных властей, правда, с учетом того, что нормы семейной жизни в России XVIII в., как и ранее, определялись церковными правилами.

Наглядно демонстрирует эту тенденцию одно из изученных нами дел. В 1755 г. сибирский губернатор В. А. Мятлев направил для утверждения в Военной коллегии приговор, вынесенный по делу рядового Якутского гарнизонного пехотного полка Михаила Сторожилова. Дело это тянулось, как минимум, с 1747 г., но только теперь в 1755 г. было доведено до утверждения приговора. А заключалось оно в следующем: Сторожилов, не имея законной возможности расторгнуть брак со своей женой Авдотьей, с которой проживал в Забайкалье (в Удинске), фактически продал ее нерчинскому ясачному Андрею Коротову, а сам женился на другой женщине в Тобольске, объявив властям, что его первая супруга умерла. Более того, за эту «продажу» своей первой жены он взял у Коротова 20 руб. деньгами, коня и воз сена¹. Будучи изобличен, он пытался отпираться, утверждая, что получил указанные выше деньги и товары якобы за оставшийся у его жены Авдотьи рогатый скот, однако, «будучи со оным Коротовым на очной ставке, точно признался, что он показанные денги и прочее взял за то, чтоб оному Коротову жить со оною женою ево в супружестве, а ныне де он Старожилов оную жену свою к себе в супружество взять не желает за старостию и за болезнию своею»².

Военные власти в лице полкового командира и команданта г. Селенгинска бригадира В.В. Якоби переадресовали разбирательство в Иркутскую духовную консисторию, руководствуясь статьей 171 петровского Артикула воинского, которая гласила: «Кто при живой жене своей на другой браком сочтается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным правилом»³. Церковные власти при разборе данного дела опирались на содержащиеся в Кормчей книге постановления Шестого Вселенского собора (680–681 гг.): «Яже от мужа пушчена бывши жена за другаго поидет, прелюбодейца есть, и пустивый жену свою и ину по им прелюбы творит... мужеви без вести бывшу, и не уведевши о нем жена ево идет за иного, прелюбы творит, да возвратившуся мужу ея ашче хошет да поимет ее»⁴. В данном случае, как видим, вообще не ставился вопрос о том, добровольно пошла Авдотья на этот шаг или под давлением мужа, исполняя его волю. Относительно же самого Сторожилова духовная консистория посчитала нужным руковод-

ствоваться правилами Василия Великого, предусматривавшими наложение на семь лет епитимьи: «Иже свою жену оставя и другую поял, прелюбодей сын семь лет запрещенное да примет, лето едино да плачет, да два послушая Божественных писании, три лета припадая, и седмое стоя с верными без общения, и потом да причастится святых даров»⁵.

Преосвященный Софроний, епископ Иркутский и Нерчинский, утвердил следующее решение, на которое получил одобрение от Синода из Петербурга: «Означенную женку Овдотью... от сожития ясачного Коротова разлучить вовсе, для того что она Овдотья, не обождав о показанном своем муже Сторожилове подлинного известия, что он подлинно ль умре, вышла за того Коротова от жива мужа, и обявав ее под опасением жестокого наказания подпискою, чтоб она Овдотья показанного Коротова за мужа не признавала, ибо он Коротов не бе ей истинный муж, но прелюбодей, послать для покаяния в Иркутской Знаменской девичь монастырь того монастыря к намеснице монахине Анне Истлентьевой при указе ея императорскаго величества, и чтоб она намесница ее Овдотью содержала в том монастыре в монастырских трудах по приличности ее лет до дне кончины ее неисходно и со оным Коротовым ни под каким образом видется отнюдь не допущала»⁶.

Самому Коротову «за то, что он показанную женку Овдотью у означенного Сторожилова купил в противность правил святых и христианского закона», предписывалось «учинить жестокое плетми наказание и по тому ж взять с него под опасением жестокого наказания подписку, чтоб он Коротов показанную женку Овдотью за жену свою не признавал и на оной отнюдь не женился»⁷. Относительно самого Сторожилова было подтверждено решение об отставке с военной службы и об отправлении его в Киренский Троицкий монастырь для покаяния, «которое покаяние велено исполнять ему публично, дабы на то смотря другие таких противно церкви святой беззаконий чинить имели опасность»⁸. По представлению сибирского губернатора Мятлева этот приговор был утвержден без изменений в Военной коллегии.

Фактически мы видим, что главный виновник – Сторожилов – понес наказание значительно более мягкое, нежели другие обвиняемые по этому делу. С учетом того, что в 1755 г. этому солдату исполнилось уже 56 лет, а на службе он находился более 30 лет (с 1723 г.), такой вариант ухода с военной службы мог, пожалуй, представляться не худшим, ведь и во многих других случаях рядовых солдат, которые в силу возраста или по состоянию здоровья уже не могли продолжать «тянуть лямку», должны были брать на содержание после отставки либо их родственники, либо монастыри и богадельни. Получить в таком возрасте гарантированный источник пропитания, пусть даже

¹ Продажа людей формально в дворовые, а фактически в рабское услужение имела место в стране в течение всего XVIII в., в том числе в Сибири. Правда, большая часть известных здесь фактов такого рода касалась представителей нерусского населения. – См., напр.: [9].

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 1 об.

³ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 360.

⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об., 3.

⁶ Там же. Л. 3, 3 об.

⁷ Там же. Л. 3 об., 4.

⁸ Там же. Л. 4 об.

с семилетним церковным покаянием – вряд ли это давало бы повод жаловаться на судьбу... Участь его супруги выглядит куда печальнее, да и ясачный Коротов, в конечном итоге, понес одни убытки, ничего для себя не выиграв. В данном случае военнослужащий, ставший инициатором совершения преступления против государственных и церковных законов, в глазах властей оказался виноватым в меньшей степени, чем его жена и второй супруг последней.

ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА УБИЙСТВО СУПРУГИ

Случаи двоеженства, конечно, выглядели явлением скорее экзотическим в российской армии XVIII в. Гораздо более распространенным феноменом семейной жизни военнослужащих оказывалось появление у солдатских жен внебрачных детей в условиях многолетней разлуки с законным супругом. Как отмечал П. П. Щербинин, «отношение мужей-солдат, вернувшихся со службы и обнаруживших незаконных детей у своих жен, в большинстве случаев было резко негативным. Разъяренные мужья по обычному праву могли поступать с такими женами, как им заблагорассудится... а расправы солдат с неверными женами нередко заканчивались убийством» [8]. Как раз такому случаю посвящено другое из изученных нами дел, когда в 1792 г. рядовой 4-го полевого мушкетерского батальона Федор Кондратьев пытался убить свою жену Марию после того, как прибыл домой в отпуск и обнаружил ее с полугодовальным младенцем на руках.

Получив отпуск на два месяца, Кондратьев в начале января 1792 г. приехал в одну из деревень близ г. Сергиевска Уфимского наместничества «в общей с братом его дом и застал у жены своей прижитую незаконно дочь, но не ссорясь за сие прожил с ней недель с пять или шесть»⁹. Единственное, что он хотел сделать перед отъездом обратно в распоряжение своей части, – это подать в местном земском суде просьбу на отца родившейся полгода назад девочки, «новокрещена» Петра Осипова, «в неплатеже им жене его за трехгодичную у него в работе бытность денег» (15 руб.)¹⁰. Однако его якобы отговорил от этого намерения некий вахмистр Оренбургского драгунского полка. Тогда 19 февраля Кондратьев, уезжая в свой батальон, попросил жену проводить его на несколько верст, а она взяла с собой дочь. В дороге он «начал спрашивать, где она в разсуждении его отъезда и разлуки с нею останется жить, на что она отвечала ему, что пойдет опять к тому же новокрещену, у котораго прежде жила», и тогда он, «почувствовав досаду, ударил штыком в голову, отчего ножны с него скинулись, будучи ж в исступлении, начал колотить оным где попало»¹¹. Нанеся Марии 11 ран, он пришел в себя и вернулся в деревню, явившись прямо к старосте с повинной, причем его супруга осталась в живых, а вот младенец погиб. Как предположили чиновники земского суда, «хотя на теле его

никаких ран и знаков, от чего он умер, по свидетельству не оказалось, но по заморанию лица его кровью видно, что задавлен»¹². Сама Мария также подтвердила это предположение, показав при допросе, что ее муж «начал прощаться и, поцеловав ее и робенка по три раза, вдруг вынул бывшей с ним штык и сказал, теперь тебе смерть, ударил штыком в грудь, а потом и где попало колотил, от чего она, защищаясь, младенца бросила под правой свой бок и зделалась сама без чувства»¹³.

Случившееся казалось тем более необъяснимым, что, как заверяла жертва, «во все время бытия того мужа ее с нею он не токмо ее не бил, но и не бранивал ни за что, а обходился всегда ласково»¹⁴. Кондратьев же при допросе в земском суде так изложил мотивы совершенного им поступка: «Как отъехал версты две от села, вдруг вздумав, что уже никогда не будет домой, и жена останется, сказал ей, что разсудил лучше ее заколоть, нежели оставить, и взяв бывшей тогда при нем штык, оным ее колотил где попало... и, подъезжая уже к деревне, опамятовался и, пришед в безмерное сожаление и раскаяние, привез их прямо на двор к старосте... и, пошед в ызбу, о зделанном злодеянии объявил»¹⁵. Правда, он не умолчал и о том, что в этот момент был пьян, чем, вероятно, хотел оправдать вдруг пришедшую ему в голову мысль, что он уже никогда больше не увидит свою жену. Этим же, видимо, можно объяснить и то обстоятельство, что убийца так и не сумел умертвить Марию, а только нанес ей множество ранений: «Опасных пять, неболших шесть, а всего одинатцать ран, в определении ж онаго земскаго суда, того ж числа учиненном, изъяснено, что она от тех ран в жизни опасна»¹⁶.

Рассматривавший дело военный суд в г. Уфе в первую очередь обратил внимание на причину, вызвавшую столь трагический исход, отметил: «Видно, что, когда она, быв в пути в провожании жены, стал ее спрашивать, где в разсуждении отсудствия его останется жить, то она не устыдилась скрыть от него, что намерена по-прежнему взять себе прибежище у того же человека, с коим она доселева прижила дочь, имевшуюся у ней тогда на руках»¹⁷. Подобное намерение в глазах судей выглядело совершенно неприемлемым. Правда, они также задались вопросом: «Соображая таковой жены его поступок с мужем, имеющим на нее законные права, мог ли бы он простить ее слабость?»¹⁸. И сами же ответили на него следующим образом: «В сем огорчительном для нево случае нельзя было ему смотреть на нея равнодушно, и чтоб не иметь досады, которую она таким отзывом ему причинила, но к унятию ее от сего намерения предпринять он должен был не такое оружие, каков штык»¹⁹.

¹² Там же. Л. 8 об.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 9, 9 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об., 9.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 10 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 8 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 9 об.

Фактически суд признавал, что узнавший об измене жены солдат, к тому же понявший теперь, что она собирается и дальше жить с другим, от которого уже родила дочь, имел все законные права для того, чтобы наказать свою супругу за подобное поведение. Единственное, что должно было ограничить его в выборе возможных поступков – это использование боевого оружия с намерением лишить жизни. А поскольку Кондратьев, как он сам признавался, был пьян, то и последующие его действия можно было списать на состояние аффекта: «В азарте, которой в нетрезвом человеке паче увеличивается, колот ее тем штыком, как и где случилось»²⁰.

Судьи не отрицали тяжести совершенного солдата преступления: «Подверг он себя, яко учинивший злое дело в пьянстве, которое его ни в чем не извиняет, под изображенное в толковании на 163 артикул как умышленный убийца наказание, и хотя он, апамятовавшись и познав свою вину, без доказательств на него сам добровольно, приехав в деревню, старосте о том объявил, однако ж сим поступком еще не заслужил никакова уважения, ибо сделанные им жене своей штыком раны, по свидетельству Сергиевского нижняго земскаго суда оказались опасны, из коих пять почтены быть могут за смертныя»²¹. Однако любопытно, какую формулировку содержало толкование 163-й статьи Артикула воинского, на которую они в данном деле решили сослаться. Толкование гласило: «Ежели убийство учинитца не нарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легче бывает»²². А вот гибель дочери уже нельзя было оправдать ничем, поскольку ее «вышеписанная жена его, которой побой чинены были в повоске, по тесноте места, спасая жизнь свою от наносимых ей ударов, с рук своих, как сказывает, збросила под правой бок и под собою задавила в беспамятстве... и ежели б он не колот жены своей, то б и сего задавления случитца не могло»²³.

Необходимо отметить, что преступления (в частности, убийства), совершенные в состоянии опьянения, Артикул требовал карать даже более жестоко: «Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящшею жестокостию наказан быть имеет... А особливо, ежели такое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может, яко смертное убийство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил»²⁴.

Исходя из этого, военный суд 18 июля 1792 г. вынес приговор в точном соответствии с действующими

нормами Артикула: «Приговорили реченного мушкатера Кондратьева за намерение в пьяном образе учинить жене своей смертное убийство, которое и действием произвел колотием ее штыком, а также и за задавление чрез то младенца... казнить смертию отсечением главы»²⁵. Но при этом судьи не забыли и о необходимости наказать пострадавшую, а заодно и отца погибшего младенца: «Дабы жена его и новокрещен Петр Осипов, оказавшийся в прижитии незаконно младенца, в гражданском правительстве согласно воинскаго 169 артикула были суждены, то выписав ис производства экстракт, отослать в Уфимское наместническое правление», причем освободить Марию от ответственности, по их мнению, могла бы только смерть: «Буде объявленная женка от учиненных ей мужем ея ран померла, то поступок ее предать воли Божией»²⁶.

Интересно, что ее сочли виновной как подлежащую действию именно Артикула воинского, а не гражданского законодательства, хотя и намеревались передать в распоряжение суда наместнического правления, т. е. гражданской администрации. Упомянутая статья 169 Артикула гласила, что «ежели муж женатый с женою замуженю телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря»²⁷. Таким образом, преступниками априори считались оба.

О судьбе Марии в деле больше ничего не говорилось, а вот ее несостоявшийся убийца избежал смертной казни. Нам уже приходилось отмечать, что в большинстве случаев выносившиеся военными судами первой инстанции (кригерехтами) наиболее суровые приговоры в дальнейшем смягчались военным командованием и генерал-аудиторской экспедицией Военной коллегии [10, с. 80–82]. Так произошло и в этот раз. Командующий корпусом генерал-поручик Х. А. фон Трейден, отсылая дело в Военную коллегию, приложил свое «мнение», в котором просил высшую инстанцию заменить смертный приговор церковным покаянием и наказанием шпицрутенами, хотя и в максимально тяжелом формате: прогнать виновного сквозь строй полка (т. е. через 1000 чел.) 10 раз, что означало нанесение 10 тыс. ударов²⁸.

Дело было рассмотрено 16 ноября 1992 г. генерал-аудитором в Военной коллегии, приговор был смягчен вдвое – наказать шпицрутенами 10 раз, но только через строй в 500 чел. (всего 5 тыс. ударов). Члены Военной коллегии приняли во внимание соображения командующего, а также один из указов еще петровского времени: «В разсуждении прописанных во мнении господина генерал порутчика и ковалера фон Трейдена резонов, а паче во уважении того, что он Кондратьев после учиненнаго им жене своей толико тяжкого невольным орудием наказания, пришед в раскаяние,

²⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 10 об.

²¹ Там же. Л. 10 об., 11.

²² Российское законодательство... Т. 4. С. 358.

²³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 11.

²⁴ Российское законодательство... Т. 4. С. 336.

²⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Российское законодательство... Т. 4. С. 359.

²⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 19–21 об.

объявил об оном сам добровольно, соображаясь с указом 721 года марта 7 дня»²⁹. Имеется в виду именной указ Петра I, в котором монарх повелел: «Которые смертные убийцы явятся сами, и в том вину принесут добровольно, и тех от смерти свободять, а чинить им наказание, прогнав шпицрутен, ссылатъ на каторгу на 10 лет»³⁰.

Ссылка, понятно, была заменена теперь покаянием: «В предании его Кондратьева для очищения совести, а особливо в разсуждении последовавшей безвинному младенцу по случаю тому смерти церковному покаянию, так и в прочем быть по тому же его господина генерала поруччика и ковалера мнению»³¹. Судьбу его жены Марии, в соответствии с решением суда первой инстанции, должны были решать органы гражданского судопроизводства: «О преступлениях жены ево, ежели она жива, и новокрещена Осипова представить рассмотрению того правительства, до котораго такового рода преступлении суждением принадлежат, и о том сочинить особой протокол»³². Завершает дело экзекуторский (т. е. экзекуторский, исполнительный) лист, сообщающий, что «во исполнение указа государственной Военной коллегии Сибирскаго корпуса четвертаго мушкетерскаго полеваго баталиона рядовому Федору Кондратьеву положенное помянутою коллегиею наказание шпицрутенами чрез пятсот человек десять раз в оставших для содержания в городе Уфе караула Пермскаго пехотнаго полка двух ротах учинено, в чем бывшия при том штаб и обер афицеры подписались»³³.

Конечным итогом, как видим, стало освобождение военнослужащего, хотя и совершившего тяжкое преступление, от смертной казни, при явном желании военных властей наказать также его супругу, если она останется в живых, хотя и передавая прерогативы относительно последней в руки гражданской администрации. Это недвусмысленно свидетельствует, что в глазах армейского командования, да и имперской государственной власти в целом жизнь и здоровье мужчин-солдат ценились гораздо выше, чем жизни членов их семей (жен и детей). Более того, в данном случае жертву определили также виновницей случившегося, молчаливо признавая, что законный супруг имел право поступить с неверной женой так, как считал нужным, лишь не имея санкции закона на лишение ее жизни или нанесение ей тяжких телесных повреждений. Фактически солдата обвинили только в смерти ребенка, но и это преступление, помимо телесного наказания, обернулось для него лишь церковным покаянием. Исходя из этого, мы вправе заключить, что права членов семей военнослужащих в данный период, как правило почти не защищались имперскими законами.

²⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 22.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 6. № 3755. С. 368.

³¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 22.

³² Там же. Л. 22, 22 об.

³³ Там же. Л. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные нами казусы приводят к очень интересному выводу, который позволяет несколько скорректировать представления о степени «модернизации», свойственной Российской империи в XVIII в. Общеизвестным является утверждение о том, что верховная власть, начиная с эпохи Петра I, стремилась превратить своих подданных в «русских европейцев» – носителей системы современных европейских идей и ценностей. Однако даже у служивших в регулярной армии, выступавшей едва ли не ключевым инструментом для реализации на практике модернизационной стратегии, в сознании сохранялись и действовали установки, унаследованные от прежней культурной традиции. В рассмотренных случаях это проявлялось как в том, что в семейной жизни военнослужащие придерживались норм обычного права, идущих еще из предшествующих столетий, так и в том, что имперское законодательство и государственная власть (военное командование и гражданская администрация) санкционировали применение такой шкалы преступлений и наказаний, которая базировалась на вполне традиционной системе религиозных, а не светских норм. Не случайно даже Артикул воинский в соответствующих статьях содержал отсылки не к другим государственным законам, а именно к церковному праву. Солдаты регулярной армии России, носившие европейские мундиры и обученные военному делу по европейским образцам, в повседневной жизни продолжали руководствоваться традиционными представлениями, их сознание мало изменилось по сравнению с предыдущими столетиями. Именно изучение истории повседневности применительно к XVIII в. способно помочь определить успешность процессов «модернизации» и «европеизации» Российской империи, позволяя реконструировать соотношение традиционных и современных норм и установок в сознании участников этих процессов, к которым в первую очередь относились как раз военнослужащие регулярной армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник ТГУ. История. 2017. № 48. С. 50–59.
2. Ильцова А.В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2011. № 982, вип. 44. С. 30–40.
3. Ворожбитова М.В. Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 28 с.
4. Чернишкина В.А. Повседневная жизнь губернского города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007. 24 с.
5. Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
6. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2006. 403 с.

7. Карпущенко С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 13–150.

8. Щербинин П.П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2006. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493>. DOI: 10.4000/pipss.493.

9. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Следственное дело полковника Дегарриги: к вопросу о «рабстве в Сибири» и злоупотреблениях на Сибирских линиях в середине XVIII в. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1. С. 30–38.

10. Дмитриев А.В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-6.

REFERENCES

1. Kerov V. V. Yekaterinburg, Tomsk and so on: what is the Russian history of urban everyday life, and why is it needed? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 48, pp. 50–59. (In Russ.)

2. Il'yasova A. V. Realities and prospects of the everyday life history in Russian historiography. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya Istoriya*, 2011, no. 982, iss. 44, pp. 30–40. (In Russ.)

3. Vorozhbitova M. V. Everyday lifestyle of the Moscow's population in the mid XVIII century: diss. abstr. Moscow, 2004, 28 p. (In Russ.)

4. Chernichkina V. A. Everyday life of the provincial town of Vladimirin the last third of the XVIII – early XIX centuries: diss. abstr. Vladimir, 2007, 24 p. (In Russ.)

5. Cheremisina Ya. S. Everyday life of the state employees in Moscow and St.-Petersburg in the first quarter of the XVIII century: diss. abstr. Moscow, 2008, 28 p. (In Russ.)

6. Kamensky A. B. Everyday life of the Russian town dwellers. Historical anecdotes from the provincial life in the XVIII century. Moscow, RGGU, 2006, 403 p. (In Russ.)

7. Karpushchenko S. V. The Army weekdays: barrack, cereal, treasury, caftan. *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, 1999, pp. 13–150. (In Russ.)

8. Shcherbinin P. P. Soldiers' wives of the XVIII – early XX centuries: the experience of reconstruction social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, 2006, iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493>. DOI: 10.4000/pipss.493. (In Russ.)

9. Kamenetsky I. P., Rezun D. Ya. Colonel Degarriga's investigative file: on the issue of "slavery in Siberia" and abuses on Siberian lines in the mid XVIII century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 1, pp. 30–38. (In Russ.)

10. Dmitriev A. V. Military proceedings in the army units in the territory of Siberia in the XVIII century: official mechanism and real practice. *Istoricheskiy kur'er*, 2018, no. 1, pp. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-6. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 31.10.2020
Статья принята
к публикации 23.01.2020